

Танец моррис есть во всех обитаемых мирах мультивселенной.

Его танцуют под солнечным небом, приветствуя пробуждение земли весной, и под ясными звёздами, потому что на дворе весна и есть шансы, что двуокись углерода отгадет. Тягу к нему ощущают даже глубоководные твари, ни разу не выдавшие солнца, и горожане, которых с природными циклами связывает только тот случай, когда они сбили на своём «Вольво» овцу.

Его танцуют все. Кто невинно, как молодые математики с растрёпанными бородами, под неуклюжую обработку «Жильца миссис Виджери» для аккордеона. Кто сурово, как Ниндзя-Танцоры Нью-Анка, способные вытворять дикие, жуткие вещи при помощи простого полотенца и колокольчика.

Но нигде его не танцуют правильно.

Кроме как на Плоском мире — на диске, стоящем на спинах четырёх слонов, летящих

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

сквозь космос на панцире всемирной черепахи, Великого А'Туина.

И даже тут в моррисе смыслят только в одном месте. В маленькой деревушке высоко в Овцепикских горах, где эту великую и простую тайну передают из поколения в поколение.

Тут мужчины скачут в первый день весны взад и вперёд — под коленями привязаны колокольчики, белые рубахи развеваются. Народ сходится посмотреть. Потом все жарят быка, и в целом это считается славным семейным праздником.

Но тайна не в этом.

Тайна — в *другом* танце.

И для него время пока не пришло.

Что-то тикает, словно часы. И в самом деле, в небесах есть часы, а из них льётся тиканье свежеотчеканенных секунд.

По крайней мере, выглядит это как часы. На самом деле это полная противоположность часов, а большая стрелка делает всего один оборот.

Под тусклым небом есть равнина. Она покрыта плавными изгибами, которые могут напоминать волны или дюны, если глядеть на них издали. А если вы глядите на них издали, радуйтесь, что не делаете этого вблизи.

МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ

Прямо над равниной парили три серые фигуры. Что они собой представляли, обычным языком не описать. Кто-то называет их херувимами, хотя ни крылышек, ни пухлых щёчек им не досталось. Они из тех, кто следит, чтобы притяжение работало, а время оставалось отделённым от пространства. Назовём их аудиторами. Аудиторами реальности.

Они вели беседу без единого слова. Им говорить и не требовалось. Они просто меняли реальность так, будто уже сказали.

Один из них сказал: *Такого прежде не случилось. Это возможно?*

Один из них сказал: *Должно быть. У него есть личность. А личности неизбежно приходят к концу. Вечны лишь безличные силы. Сказано было с долей самодовольства.*

Один из них сказал: *Кстати... уже начались странности. Когда возникает личность, странности случаются. Общеизвестный факт.*

Один из них сказал: *Что, он работал неэффективно?*

Один из них сказал: *Нет. На этом его не поймаеть.*

Один из них сказал: *В том-то и суть. В самом слове о н. Стать личностью – уже неэффективно. Нельзя позволять этому распространяться. Что, если личность вдруг появится у гравитации? Вдруг ей начнут нравиться люди?*

Один из них сказал: *Типа, она начнёт к ним тянуться?*

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Один из них сказал, и можно было бы заметить, что тон его похолодел, если бы он уже не был ниже абсолютного нуля: *Нет.*

Один из них сказал: *Прошу прощения, я неудачно пошутил.*

Один из них сказал: *Кстати, он размышляет о своей работе. А подобные размышления опасны.*

Один из них сказал: *С этим не поспорить.*

Один из них сказал: *Итак, договорились?*

Один из них о чём-то задумался и сказал: *Погодите-ка. А вы случайно не использовали единственное число – «я»? Не завелась ли у вас случайно личность?*

Один из них сказал с невинным видом: *Кто? Мы?*

Один из них сказал: *Где личность, там всегда раздоры.*

Один из них сказал: *Да. Да. Совершенно верно.*

Один из них сказал: *Ладно. Осторожнее в будущем.*

Один из них сказал: *Так что, договорились?*

Они подняли глаза на лик Азраила, чьи черты проступали на небе. Если точнее, они *и* были небом.

Азраил медленно кивнул.

Один из них сказал: *Отлично. Что это за место?*

Один из них сказал: *Это Плоский мир. Летит через космос на спине гигантской черепахи.*

Один из них сказал: *А, один из этих. Я такие терпеть не могу.*

МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ

Один из них сказал: *Вот опять. Вы ска-
зали «я».*

Один из них сказал: *Нет! Нет! Лично я ни за
что не сказал бы «я»... ой, блинский...*

Один из них вспыхнул пламенем и сгорел,
точь-в-точь как клуб газа — быстро и без остан-
ков. Почти сразу же на его месте появился дру-
гой. На вид он не отличался от исчезнувшего.

Один из них сказал: *Пусть это послужит
уроком. Стать личностью — значит стать конеч-
ным. А теперь... пора.*

Азраил наблюдал, как они уплывают прочь.

Трудно постичь мысли создания столь испо-
линского, что в реальном пространстве его дли-
на измерялась бы в световых годах. Но так или
иначе, он повернул свою неизмеримую массу
и поискал глазами, в которых терялись звёзды,
среди мириада миров тот, Плоский.

Который на спине черепахи. Плоский
мир — зеркало прочих миров.

Звучало это интересно. А Азраил, заточён-
ный в плену тысячелетий, заскучал.

А вот зал, в котором будущее вливается
в прошлое сквозь воронку настоящего.

Вдоль стен выставлены часы. Не песочные,
хотя форма у них та же. Не те часики, которые
можно купить как сувенир, с названием вашего

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

любимого курорта, начертанным тем, у кого чувства прекрасного не больше, чем у пончика с повидлом.

То, что в них сыплется, не песок. Это секунды, что без конца превращают «может быть» в «было».

Это часы жизней, и на каждом написано чьё-то имя.

Целый зал, наполненный лёгким шелестом утекающей жизни.

Только представьте...

А теперь добавьте к этому звонкий цокот костей по камню. Он приближается.

Тёмный силуэт проходит перед нами и направляется дальше вдоль бесконечных рядов этих пророческих склянок. Цок, цок. Ага, вот часы, в которых верхняя колба почти опустела. Костяные пальцы тянутся к ней. Забирают. И ещё одну. Забирают. И ещё. И ещё много, много других. Забирают, забирают.

И такая работа идёт целый день. Если можно так сказать, конечно, ведь дней тут никаких нет.

Цок, цок — тёмный силуэт терпеливо шагает вдоль рядов.

И останавливается.

И замирает в замешательстве.

Потому что перед ним — маленькие золотые часики, не больше наручных.

Вчера их тут не было — вернее, не было бы, будь тут «вчера».

МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ

Костяные пальцы обхватывают часы и поднимают на свет.

На них написано имя заглавными буквами. Это имя — СМЕРТЬ.

Смерть опустил часы, затем снова поднял. Пески времени уже бежали в них. Он перевернул часы — чисто ради эксперимента, посмотреть, что будет. Песок продолжил струиться, только теперь снизу вверх. Другого Смерть и не ожидал.

Это означало, что, даже существуя тут «завтра», его отныне всё равно не будет.

В воздухе за ним что-то пошевелилось.

Смерть медленно обернулся и обратился к смутной фигуре, парившей во мгле.

— ПОЧЕМУ?

Тот ответил ему.

— НО ЭТО... НЕПРАВИЛЬНО.

Тот ответил ему: *Нет, правильно.*

На лице Смерти не дрогнул ни единый мускул — их всё равно там не было.

— Я ПОДАМ ЖАЛОБУ.

Тот ответил ему, что *уж он-то* должен понимать: жалобы бесполезны.

Никаких жалоб. Никаких жалоб.

Смерть поразмыслил над этим, а затем сказал:

— Я ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛ СВОЙ ДОЛГ ТАК, КАК СЧИТАЛ ПОДОБАЮЩИМ.

Фигура подплыла ближе. Она отдалённо напоминала монаха в серой рясе с капюшоном.

Она ответила: *Мы знаем. Поэтому разрешаем тебе оставить коня.*

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Солнце клонилось к закату.

Из всех созданий на Плоском мире самая короткая жизнь у мушек-подёнок — не более двадцати четырёх часов. Две самые старые мушки бесцельно кружили над рыбным ручьём, повествуя недавно вылупившимся о былых временах.

— Да, в наши часы солнышко уже не то, — сказала одна.

— И то верно. В старые добрые времена солнце было настоящее. Всё такое жёлтое, не то что это, красное.

— А ещё оно висело выше.

— Верно говоришь.

— А куколки и личинки уважали старших!

— И то верно! И то верно! — с жаром согласилась другая подёнка.

— Думается, ежели бы мушки в те времена вели себя получше, солнце не померкло бы.

Младшие подёнки уважительно внимали.

— А ещё помню, — сказала одна из старейших мушек, — кругом были поля, широкие, доколь хватает глаз.

Младшие огляделись.

— Тут и сейчас поля, — заметила одна из них, выдержав уважительную паузу.

— Да, но я помню времена, когда поля были *лучше*, — процедила старая подёнка.

— Верно! — согласилась её товарка. — А ещё тогда была корова.

МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ

— Совершенно точно! Вы правы! Я помню эту корову! Стояла прямо вот тут целых сорок, нет, пятьдесят минут. Бурая такая, как сейчас помню.

— Да уж, в нынешние часы таких коров не бывает.

— Их теперь вообще не встретишь.

— А что такое корова? — спросила одна из личинок.

— Видали? — торжествующе заявила пожилая подёнка. — Ничего-то они не знают, современные *ephemeroptera*. — Она задумалась. — Кстати, чем мы занимались до того, как заговорили о солнце?

— Бесцельно кружили над водой, — предположила мушка помладше. Тут было трудно ошибиться.

— Нет, ещё раньше.

— Эм-м... вы рассказывали о Великой Форели.

— А, ну да. Форель. Видите ли, если б вы были достойными подёнками и кружили вверх-вниз, как подобает...

— ...И слушались старших и мудрых...

— ...Да, и слушались старших и мудрых, то однажды Великая Форель...

Плюх.

Плюх.

— ...То что? — спросила мушка помладше.

Ответа не было.

— Великая Форель однажды что? — с тревогой переспросила другая мушка.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Они опустили глаза и увидели, как по воде расходятся круги.

— Священный знак! — воскликнула однодневка. — Помню, мне об этом рассказывали! Великий Круг На Воде! Сие есть знамение Великой Форели!

Старшая из младших мушек задумчиво всмотрелась в воду. До неё начало доходить, что, раз она старшая из присутствующих подёнок, именно ей выпадает честь летать ближе всех к поверхности.

— Есть предание, — сказала мушка сверху, — что, когда за тобою приходит Великая Форель, ты попадаешь в край, где реки текут... текут реки... — Однодневки ничего не едят, так что идей у неё не было. — Текут водой, — обречённо закончила она.

— Представляю, — сказала старейшая подёнка.

— Там наверняка очень хорошо, — сказала младшая.

— Да? С чего бы?

— Ну, раз оттуда никто не хочет возвращаться.

Ну а старейшие существа на Плоском мире — знаменитые Считающие сосны. Они растут у самой границы вечных снегов высоко в Овцепикских горах.

МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ

Считающие сосны представляют собой уникальный пример заимствованной эволюции. Большинство видов эволюционируют сами по себе, доходя до всего в процессе, как и заповедовала Мать-Природа. Это очень естественно, органично и сочетается с загадочными космическими циклами, предполагающими, что только миллионы лет дико утомительных проб и ошибок позволят вашему виду обрести моральные устои, а то и позвоночник.

С точки зрения видов, это, может, и нормально, но с точки зрения участвующих в этом отдельных индивидов, им подложили свинью — или, как минимум, розовую ящерку, питающуюся корнями, которая со временем может эволюционировать в свинью.

Так что Считающие сосны избежали всего этого, позволив всяким прочим овощам эволюционировать за них. Семя сосны, оказавшись в любой части Плоского мира, сразу же заимствует самый успешный местный генетический код при помощи морфического резонанса и вырастает тем, что лучше всего подходит местной почве и климату. Как правило, у них это получается даже лучше, чем у самих местных деревьев, которых новички вскоре вытесняют.

Но в первую очередь Считающие сосны интересны тем, что умеют считать.

Они откуда-то узнали, что люди научились узнавать возраст деревьев по количеству годовых колец. И тогда старейшие Считающие

